

Глава двенадцатая

Генри всегда казалось страшной несправедливостью, что, всю жизнь отделяваясь смехотворными наказаниями за серьёзные преступления, свой самый большой срок — десять лет тюрьмы — он получил за потасовку с парнем, чья сестра, как потом выяснилось, работала машинисткой в ФБР. Это словно победа в конкурсе неудачников. Он ввязался в рядовую драку, из которой неожиданно выросло уголовное дело национального масштаба.

Всё началось как забава: Генри со своими приятелями Джимми Бёрком и Кейси Розадо, главой профсоюза барменов и официантов аэропорта Кеннеди, отправились в незапланированное путешествие во Флориду. Кейси нужна была компания для поездки в Тампу — там он хотел повидать родителей и взыскать кое-какие карточные долги. Лететь с Кейси собирался Томми Де Симоне, но его накануне арестовали за угон, и он не смог достаточно быстро выйти под залог, чтобы успеть на рейс. Так что Томми попросил Генри полететь вместо него, если он может.

Генри. Я согласился. Почему бы и нет? Небольшой отпуск пришёлся кстати. Профсоюз уже

оплатил билеты первого класса, а мне требовалось хотя бы пару дней отдохнуть от бесконечных свар с Карен и Линдой. Я позвонил Карен из «Сьюта» и велел ей упаковать вещи в дорожный чемодан. Мы с Джимми забрали его по пути в аэропорт.

Вечером того же дня мы прибыли в Тампу; в аэропорту нас встретил на машине кузен Кейси. Мы поехали прямо в дом родителей Кейси, там было много объятий и поцелуев. В конце концов мы оставили у них наш багаж и поехали в ресторан «Колумбия» в Ибор-Сити, старом кубинском районе города. Кейси с кузеном оказались местными знаменитостями. Их знали все.

Мы просто хотели развлечься. За ужином Кейси объяснил, что его должника зовут Джон Джиаджио, и он владеет рестораном «Темпл Террас Лаунж», совсем рядом с Ибор-Сити. Кейси сказал, что у них позже вечером назначена встреча. Джимми объявил, что мы тоже пойдём.

Заведение Джиаджио оказалось большим одноэтажным бетонным зданием, расположенным посреди гигантской парковки. Рядом работал магазин спиртного, тоже принадлежавший Джиаджио. Я заметил, что здания удобно расположены на перекрёстке. Мысленно прикинул, что в случае проблем можно быстро смыться по одному из четырёхполосных хайвэев.

Прежде чем мы вошли, кузен Кейси вдруг выудил откуда-то и вручил мне огромный тридцать восьмой. Настоящий антиквариат. Я опасался, что эта штука взорвётся, если попробовать из неё пальнуть. Поэтому просто сунул револьвер в карман и забыл о нём. Кейси с кузеном вошли первыми. Через минуту за ними последовали мы с Джимми. В зале было темно. Мне потребовалось несколько минут, чтобы привыкнуть, но я слышал, как народ оттягивается вовсю. Кейси уже беседовал с должником около бара, а когда они направились к столику, мы с Джимми тоже присели в сторонке, за четыре стола от них.

Вскоре Кейси и Джиаджио начали орать друг на друга по-испански. Мы не понимали, о чём крик. Но внезапно оба вскочили на ноги. Мы тоже. Я достал револьвер, мы подошли к их столику. Джимми сцапал парня и начал наматывать его галстук на кулак, пока у того глаза на лоб не полезли: кулак оказался у него под подбородком, придавив горло. «Захлопни хлебало и марш к выходу», — скомандовал Джимми.

Я тем временем следил за посетителями. Их было человек двадцать пять, но никто не попытался нам помешать. Позже все они стали свидетелями, а бармен, бывший нью-йоркский коп, даже успел записать номер машины, пока мы выезжали со стоянки. Как потом оказалось, кузен Кейси арен-

довал автомобиль на своё настоящее имя. До сих пор поверить в это не могу.

Кейси с кузеном сели вперёд, а мы с Джимми стиснули должника между нами на заднем сиденье. Урод орал, что никаких денег не отдаст. Что хоть убейте его, но он не заплатит. Крепкий оказался паренёк. Я несколько раз съездил буйному револьвером по роже. Не хотел причинять серьёзные увечья. Спустя пару кварталов он передумал. Заявил, что заплатит, но только половину суммы, а вторую половину отдаст некий врач, разделивший с ним ставку. Все эти переговоры велись на испанском. Кузен Кейси сказал, что знает этого врача и парень, возможно, говорит правду. Плевать, кто заплатит, ответил Кейси, лишь бы денежки вернули.

Я видел, что все эти люди отлично знают друг друга. Словно я встрял в семейную ссору. Мы с Джимми были посторонними. Револьвер я на всякий случай решил пока оставить при себе. Мы приехали к бару кузена Кейси и потащили должника внутрь, его лицо было так залито кровью, что нам пришлось накинуть ему на голову пиджак, чтобы не переполошить всех внутри. Мы запахнули его в небольшую кладовку за стойкой, однако тут тоже хватало свидетелей, включая двух официанток, которые потом выступили против нас на суде. Кейси позвонил врачу.

Всё это заняло половину ночи, и в конце концов мы получили своё бабло. Тогда мы обтёрли парню рожу, как сумели, и отвезли к дому его брата. Вот и всё. Конец истории. Плёвое дело. Остаток уикенда мы с Джимми провели, распивая с Кейси и его кузеном ром и бренди.

Где-то через месяц после нашего возвращения из Тампы я ехал по бульвару Леффертс в «Робертс», когда увидел, что улицу перед баром блокирует с десяток полицейских машин. Они заняли даже тротуары. На углу стоял Джимми Сантос. «Уматывай отсюда, — сказал он. — И включи радио». Я сделал, как он советовал, и услышал, что ФБР «задержало представителей профсоюза», а также что «среди них были замечены Джимми Бёрк и другие».

Я всё ещё не понимал, что происходит. Думал, дело в том, что мы прошлой ночью по просьбе Кейси разгромили один из ресторанов аэропорта. Не хотелось ехать домой, пока обстановка не прояснится. И в «Сьют» тоже. Вместо этого я поехал к Линде и включил телевизор. Так я впервые узнал, что речь идёт о заварушке во Флориде. Её раскрутили, словно крупное дело. Ради новостей об этой операции даже прервали ежедневное шоу. Я ушам своим не верил. Якобы мы были частью общенациональной организованной банды, занимавшейся азартными играми. Типа крупного преступного синдиката.

Всё это не имело смысла. По какой-то безумной причине федералы решили раздуть тот мелкий инцидент до немыслимых масштабов. Джимми, Кейси и я собрали всех своих адвокатов, но никто из нас так и не мог понять, что же, чёрт возьми, происходит. Только перед самым судом мы выяснили, что у Джона Джаджио, парня, которого мы припугнули, сестра работала машинисткой в ФБР. Никто и не догадывался насчёт Бюро. Даже её семья считала, что она работает в обычной государственной конторе.

В ту ночь, когда мы избили Джаджио, она увидела брата и впала в истерику. Вообразила, будто её семью теперь тоже будут преследовать и убьют. Проплакала все выходные. А в понедельник разрыдалась прямо посреди офиса ФБР в Тампе. Её обступили удивлённые агенты. Конечно, они спросили, в чём дело, и, конечно, она тут же всё выложила. Про брата. Про его друзей. Про бары. Про ставки. Про врача. И, натурально, про нас. Агенты озверели. Прямо у них под носом, оказывается, орудует мафия.

Штат Флорида обвинил нас в похищении человека и попытке убийства, но мы развалили дело — Кейси выступил свидетелем, сумев убедить присяжных, что Джаджио врёт. Кейси оказался единственным из нас, у кого было чистое досье. Только он мог свидетельствовать в суде, не рискуя

быть разорванным на части прокурором во время перекрёстного допроса.

Федералы не успокоились и предъявили новое обвинение — вымогательство. Однажды утром, незадолго до суда, Кейси Розадо, наш единственный благонадёжный свидетель, наклонился завязать шнурки и упал замертво. Ему было сорок шесть лет. Жена рассказала, что он присел на край кровати, нагнулся, чтобы зашнуровать ботинки, и уже не встал. Рухнул на пол. Инфаркт.

Меня самого чуть инфаркт не хватил, когда я об этом услышал, потому что понимал — вместе с Кейси умер наш единственный шанс выиграть дело. И я оказался прав. Процесс шёл двенадцать дней и завершился 3 ноября 1972 года. Присяжным потребовалось шесть часов, чтобы вынести вердикт: виновны. Они были единогласны. Судья впалял нам по десятке, не моргнув глазом.